

# ПОРОДСКАЯ

Газета основана 1 октября 1930 г. До 1994 г. выходила под названием "Ленинский шахтер"

# ПЯТНИЦА

№ 137 (16050) Пятница, 22 июля 1994 г.

## СЕМЕЙНАЯ



## ПЯТНИЦА

### Чтоб жили традиции

Городское общество российских немцев «Возрождение» пытается организовать в масштабах Ленинско-Кузнецкого обучение ребят и взрослых немецкому языку.

Стремительно течет наша жизнь. Просто не успеваешь уследить за событиями. Каждый день приносит новое, так что чувство новизны как-то притупляется. Мы привыкаем к переменам, очень сложно умения оценить. Привыкли мы уже и к тому, что в массовом порядке уезжают в Германию наши российские немцы. Не на экскурсию едут, а навсегда...

Есть у свободы один тяжкий крест. Это право и обязанность выбора. Те, что уезжают, сделали свой выбор. Правы ли они, покажет время. По крайней мере, ответ они будут держать не перед кем-то, а перед самим собой.

Но уезжают не все. Многие остаются. Они тоже сделали свой выбор.

Любой народ жив, пока он живет компактно и пока живы его язык, традиции и обычаи. Если этого нет, то и народ обречен ассимилироваться во внеэтнические образования.

История распорядилась так, что на протяжении жизни двух последних поколений язык

и культура российских немцев гласно или негласно не поощрялись. В результате мы и наши дети не владеем родным языком. Если так пойдет и дальше, то внуки будут иметь о нем самое отдаленное представление. Для малочисленного народа это очень плачевно. Но, как мы считаем, на данном этапе вполне исправимо.

С этой целью наша общественная организация и объединяет российских немцев. Задачи понятны, просты и определены - возрождение языка и культуры. В первую очередь хотелось бы грамотно организовать обучение детей и всех заинтересованных лиц немецкому языку. Да вот беда - нет преподавателей.

Может быть, прочитав эту заметку, откликнется на наш крик души грамотный и знающий человек, который (за плату, разумеется) возьмется за преподавание немецкого языка на специальных курсах с уклоном на разговорную речь. На всякий случай, сообщаем и телефон: 2-23-32.

Поймите, что это не прихоть, не стремление обособиться. Это насущная потребность сохранения для грядущих поколений нашего языка и культуры. Уверены, что потомки скажут за это только спасибо. Ведь любому человеку надо не только слышать, но и знать свои корни.

О. ГЕДРАЙТИС.

Председатель городского общества «Возрождение».

### Сквозь пыль веков

В районе деревни Сапогово работает сейчас археологическая экспедиция Кемеровского университета. Немалая часть находок пополнит историческую экспозицию нашего краеведческого музея.

Ученые копают здесь уже не первый год. На равнине сохранилось немало курганов, представляющих научную ценность. В них обнаружены захоронения бронзового века. Находки проливают свет на процессы переселения первобытных племен, обитавших в незапамятные времена на территории лесостепной зоны Кузнецкой котловины. Кроме того, они дают богатый этнографический материал, позволяющий судить о жизни и быте наших далеких предков. Ведь из пыли веков археологи извлекли на свет божий много предметов домашней утвари того времени. Это живая история, поскольку жизнь предков воочию предстает перед глазами потомков.

Как сказала директор краеведческого музея Т. В. Чухнова, есть серьезные намерения закупить у археологов часть находок. Если все пойдет так, как задумано, то в ближайшее время вниманию посетителей музея будет предложена обширная экспозиция, посвященная первобытным временам. Значит, и музейные фонды станут намного богаче.

С. ПАВЛОВ.

### Приобщение к духовности

В городском центре духовного развития завершилось экспонирование художественных работ кемеровской школы волхов.

Мы уже рассказывали читателям о том, что представляет собой эта школа. Выставка творений славянских волшебников конца XX века вызвала немалый интерес у горожан. На ее открытие прибыла руководитель школы, главная волховица Татьяна Макарова. Состоялся довольно интересный разговор о принципах преподаваемого учения, тайнах магического знания, добре и зле. Не даром несколько горожан решили испытать себя на этом поприще и попробовать стать волхвами, поучившись у Макаровой.

Выставка работала у нас больше месяца.

Г. ИВАНОВА.

### Угас «Факел», пропала «Дружба»

- Теть, дай сто рублей! - почти хватая меня за локоть, просил пацаненок лет семи.

И был тот пацан такой, что ни на есть русской национальности, никакой не беженец и даже не из неблагополучной семьи - чистенький и хорошо одетый. «Вот так, значит, проходит летний отдых у наших детей» - подумалось мне. И решила узнать, как же он проходит на самом деле. Памятуя о работе летних городских лагерей в прошлые годы, стала звонить по школам.

Практически, в каждой ответ был аналогичным: летних лагерей в этом году не существует, нет и планов работы на период каникул. Как выяснила дальше - ныне никто не в состоянии обязать школьные учреждения работать с учащимися в жаркие летние дни. Таким образом, часть школьных дверей в июне и сейчас, в июле, открыта лишь для тех учеников, которые приходят на школьный двор для «работки»!

«Ладно!», - не теряя энтузиазма: работали же,

### ВРЕМЯ ПРЕКРАСНОЕ, ВРЕМЯ ЧУДЕС

Лето, наверное, любят все, кроме Пушкина и меня; «Ах, лето красное, любил бы я тебя, когда б не пыль, да жной, да комары, да мухи...». Зато подавляющее большинство товарищей от лета без ума. «Я так хочу, чтобы лето не кончалось...»

это пепел бесподобная жена Филиппа Киркорова. Очаровательная София наслаждалась водными лыжами и загорелым анжелем за спиной... Лето есть лето: солнце, воздух и вода плюс каникулы и отпуска. Кстати, как вы отдыхаете?

- Да кто ж летом отдыхает? У меня вот даже дачного участка нет, а я кручусь, как белка в колесе. Ремонт хоть раз в год в квартире надо сделать? Надо. А я работаю, муж работает. Его не сильно-то заставишь белить, красить, ему и так хорошо. Придешь с работы - в один день одну комнату до ума не доведешь. Так и проходит лето...

- Летом отдыхать некогда: у всех почти дачные участки, а там работы невпроворот. Травища прет, как на селитре. Ей ни засуха, ни наводнение, видать, не страшны. То сажали, то пикировали, то пололи, все лето башка ниже задницы, да. А сейчас вот и урожай подоспел, опять крутятся: вари, соли, маринуй. Как в адовом кругу.

- Какой такой отдых? Не лето, а мучение. Уйдешь на работу, а сердце разрывается: ребяташки дома одни, у нас трою школьничков. Раньше благодать была - в лагерь отправишь, красота. Деткам хоть чистым воздухом подышат, да под присмотром. Сейчас нет таких лагерей. Раньше школьные лагеря были, как хорошо: и режим, и питание,

и, опять же, взрослые рядом. А что сейчас? Что они сейчас одни делают? Бабушек у нас нет. Хоть бы пожилые неработающие пенсионеры на лето брали бы себе таких детей за плату - и они бы заработали, и мы бы спокойны были...

Поговорим о том о сем...

Ништяк отдыхаем. Балдеем - каникулы же для этого. Ходим на пруды, там тусуемся.

Здорово! Выгивку! Иногда берем. Тогда вообще - закадэ!

- Отдых - это смена деятельности. Я машинист электровоза, все время бегу вперед. Поэтому дома - на диван, и торможу, чтоб не двигаться. Ха-ха-ха...

- А чо отдых? Мы на речке все лето. Еще отработать надо в школе... А ну ее нафиг, не будем... Чо, обзаны? Зимой надоело, блин...

- Подрезали нам крылья с отдыхом-то. Раньше мы копили деньги зимой, чтобы летом на море съездить. Сейчас не получается. Билеты дорогие, проживание там-того дороже. А так хотелось бы опять ребятишек свозить... Ну ничего, наше Беловское море не хуже... Не хуже, да.

- Отдых не проблема. Сниму со счета нужную сумму, и с любимой женщиной в Москва-тур, а там выберу что-нибудь. Отдыхать надо красиво!

- Я уже забыла, что такое отдых. Как с утра дочку да сноха привезу вночу, а мучение. Уйдешь на работу, а сердце разрывается: ребяташки дома одни, у нас трою школьничков. Раньше благодать была - в лагерь отправишь, красота. Деткам хоть чистым воздухом подышат, да под присмотром. Сейчас нет таких лагерей. Раньше школьные лагеря были, как хорошо: и режим, и питание,

В. ГРИГ.

ведь зачастую им нужна лишь крыша над головой, потому что дома-то они не нужны. Теперь же и благополучным и не очень детям остается «во владение» весь город и занятия, кому какие по душе, например, то, с которого начала рассказ.

Раскованно и как-то уж очень храбро мы живем теперь: сломали систему тоталитарного государственного, ломаем и ее «отростки». Но ведь еще в давние времена замечали: ломать - не строить. А мы, похоже, занимаемся строительством и не собираемся?

Л. ГОСТЕВА.

**ПРОФЕССИЯ** у Владимира Александровича Шерина сугубо мужская - шахтер. А точнее, до самой пенсии проработал такелажником. Что это такое, горняки знают: круглое кати, плоское тащи. Только в шахте «круглого» мало, в основном «плоское» и громоздкое. Да лопаткой шухельной «поигрывать» приходится почти каждую смену. Так что руки его сами напоминают лопаты: широкие, жесткие, почти железные ладони и сильные, мощные пальцы с твердыми ногтями. Для них трудно представить иную работу, кроме той, которой он занимался всю жизнь.

Но, поди ж ты, как даровита природа: в грубые узловатые руки она вложила тонкое, изящное мастерство. Еще в юности любил Владимир Александрович работать с деревом. Табуретки мастерил всем соседям, крылечки чинил. Запах свежей стружки пьянил, доставлял невыразимое наслаждение. Топором, рубанком, лобзиком, наждачкой доводил столбики у крыльца до золотого блеска. А со временем

освоил «плетение» деревянных кружев. Увидит у кого-то новый, незнакомый орнамент - присмотрелся, запомнит, чтобы себе сделать так же.

В те годы возня с деревом была для него не

лет тридцать пять назад было делом необременительным. Ее там водилось тьма-тьмушкая, и она прямо-таки лезла на голый крючок. А вот сибирский карась - существо серьезное, к нему под-

разные. Когда восхищался, смущался и начинал оправдываться:

- Да это я - чтобы не украл. С моей сетью где потом покажешь? Любая скажет, что это у Шерина украдено.

сиво, но подготовительную работу не каждый бы выдержал. Ему же нравится и парить, и расщеплять тоненькие блестящие стебелечки, и составлять из них различные композиции.

да дарит. Только очень редко. Однако как его за это осудить? Эти поделки для него, как дети, - выстраданные. Они ему дороги, в них вложены его мечты, его понимание прекрасного, его кропотливый труд.

- Вот умру, тогда пусть хоть в печку бросят, - говорит Владимир Александрович. - А пока пусть при мне будут.

Наверное, закрываясь в своей мастерской, он и говорит с ними, как с детьми. И они, наверное, доверчиво лнут к его рукам, таким грубым внешне и таким бережным в творчестве. В этих изящных узорах растворен он сам, его индивидуальность, его талант. Такое Господь дарует далеко не каждому. Да и не каждый может как должно распорядиться искрой Божьей. Чаще всего она гаснет невостребованной. У Владимира Александровича же возгорелась в яркое, негаснущее пламя. А пока живо на земле искусство, жива сама земля.

Л. МИНОР.  
Редактор городского радио.

Сам себе мастер

## ДУШИ ПРЕКРАСНАЯ РАБОТА

более чем увлечением. Работал в шахте, ходил вечерами на танцы, провозжал девушек - молодой ведь.

Потом - воинская служба. Служил на флоте. Конечно, ни о каком деревянном кружеве речи идти не могло. И там пришла другая страсть - рыбалка. Казалось бы, на кой моряку собственноручно таскать удочкой кефалей и бычков! В те времена ими кормили до отвала, только ешь. Но тот, кто хоть раз видел поклевку, его поймет. Увлёкся Владимир Александрович этим занятием не на шутку.

Впрочем, ловить рыбу на черноморском рейде

ход нужен.

Вскоре Владимир Александрович уже обзавелся семьей. Купили старенький «Запорожец», было на чем ездить и на Томь, и на Обь.

И здесь проявился еще один его талант. На флоте научился вязать узлы всяких видов. На гражданке это умение вылилось в плетение сетей. Какими только способами он их не мастерил! Друзья посмеивались:

- Думаешь, если вентер кружевной, рыба охотнее в него пойдет?

Но у него каждая сеть - с «изюминкой». То рыбку изобразит на ней, то краба, то цветок. И рисунки плетения у сетей

На самом же деле он просто не мог плести обычную сеть, душа просила чего-то неординарного. Вот почему со временем, когда страсть к рыбалке несколько поутихла (а точнее, здоровье не пускает дальше Шаравинского озера, где можно ловить только на удочку), начал Владимир Александрович плести из соломки картинку. То утка в камышах, то заяц, то букет цветов - все это в тоненьких рамках, покрыто лаком. Немного у него таких произведений, так и времени же они требуют больше. Рисунок - это потом, а вначале с соломой сколько возни. Смотреть, конечно, кра-

Однако главная любовь - дерево. Теперь он уже вырезает изящные шкатулки, поддвечники, кухонную утварь. Пробовал заниматься выжиганием - не понравилось. По его мнению, там «думать не надо». И запах паленого дерева раздражает. Тут же - все настоящее, первозданное. Дерево пахнет деревом, солома - соломой.

Свои изделия Владимир Александрович не продает, заказов на них не принимает - таково его правило. Что из души идет, то он и мастерит, а частичку души продавать совместно. И потом, так ведь всю душу распродать можно. Но дарить - иног-



Уж плохому-то, сыночек, я не научу.

Фото А. Дмитриевой.

## С химией шутки плохи

Сейчас почти в каждой квартире нашего города можно встретить «Фумитокс» - приборчик, убивающий комаров. И правильно, замечательная вещь. Без ущерба для нашего обоняния и незаметно вроде бы, а от проклятого комарья избавляет.

Но я хочу предостеречь тех, кто считает, что это совершенно безвредная штука. В малых дозах и на короткое время - да. Но спаси вас Бог жечь прилагательные к аппарату таблетки на утюгах, настольных лампах, на печках! А тем более, делать это в детских комнатах, рядом с постелью больного. Большая концентрация паров препарата из любого порошка может отравить, да еще как. Ведь не зря же комары дохнут на лету.

В этом я убедилась сама. Поставив

нагретый утюг у кровати, приложила к нему таблетку и уснула. Проснулась оттого, что почувствовала: не хватает воздуха. Глаза резало, горло сжимали спазмы, голова раскалывалась. Попытка перевернуться на другой бок вызвала приступ тошноты и слабость. Не понимая спросонья, что же произошло, я пыталась дотянуться до выключателя и не могла.

С трудом выбравшись из постели, кое-как дошагала до балкона. Постояла там минут десять - и только тогда немного пришла в себя. Тогда же и поняла, в чем дело, потому что в горле стоял запах сгорающей таблетки «Фумитокса». И еще долго болела голова.

Вот почему я и хочу предупредить тех, кто хочет сразу достичь больших результатов: чтобы не погубить себя и своих близких, надо пользоваться прибором только определенное время. Иначе будет худо.

В. СЕЛВА.  
Пенсионерка.

Какое-то время назад поняла, что ни про кого из живущих нельзя сказать, что его жизнь была счастливой. Именно потому, что он еще жив. Потому что год-два или даже считанные месяцы тяжелой болезни или беспомощного одиночества перед смертью могут зачеркнуть все предыдущее счастье.

«Грозна, страшна грядущая впереди старость», - писал человек обостренной чувствительности Н. В. Гоголь. Сам он до старости не дожил...

Но большинство доживает. И у большинства старость все же не бывает страшной. Не в том смысле, который имел в виду Николай Васильевич Гоголь - потере лучших качеств души, не в другом - бытовом. Знаю женщину (зовут ее Евдокия Михайловна Грибова), почти ровесницу века - ей в нынешнем году исполнилось 93 года. И она, как говорят, ясна умом. Делает легкую домашнюю работу - варит, убирает в квартире. А летом ее еще возят на садовый участок, и там не без дела сидит.

Мы посмеиваемся над рекомендациями врачей и ученых, как сохранить здоровье до глубокой старости: «Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет!» Эта женщина, почти неграмотная и, конечно, не читавшая никаких рекомендаций, поступала именно так, как они советуют. Она, правда, никогда не работала «на производстве» (во времена ее молодости почти все замужние женщины не работали), но дома и минуты без дела не была. Вырастила пятерых детей, а потом помогала растить пятерых внуков. Копалась в огороде, варила, стирала, вязала, шила, ткала дорожки. В старости уже увлеклась вышиванием ковров. Дети ее увлечением ткачеством и рукоделием не разделяли, да и она их и не интересовала. А дела детей - школьные, а потом семейные всегда знала и по возможности помогала. Внуки гостили у бабушки по целым каникулам, хотя и живет она в городе.

Про нее бы можно сказать: прожила долгую, счастливую (в общем-то!) жизнь, и все-таки воздержусь. И можно ли считать счастливой жизнь, если она прошла в бедности - в нехватках, и недостатках, когда на завтрак детям приходилось давать помню хлеба, посыпанного сахаром, а мясо покупали на Октябрьские праздники и на 1 Мая? Чем счастлива эта женщина - так детьми. Все пятеро выросли достойными людьми, обзавелись семьями. И мама осталась для них мамой как в детстве - любимой, уважаемой.

## Золотая середина

Почему ей удалось сохранить эти любовь и уважение? Ведь сколько мы знаем противоположных примеров. Родители делают для детей все, что могут, а те вырастают неблагодарными, забывают о родителях в то время, когда те становятся беспомощными. Знаю женщину, которая любила сына без памяти. Сын выучился, женился, уехал жить в большой город. Мама - учительница, получавшая небольшую пенсию, продолжала собирать свои копейки и отправлять сыну: ему, мол, надо становиться на ноги. Все посыпала. Сама обносила, даже постельное белье штопала. И что в результате? Когда мать занемогла, сын даже не предложил ей переехать к нему: не уживется, дескать, она с молодой женой.

Еще пример. Заболела сравнительно молодая, 50-летняя женщина: паралич. Лежит недвижимо, обиходить себя никак не может. Соседка заходит иногда, помогает. А у женщины этой - четыре дочери, одна живет неподалеку. Мать, когда у нее попыталась узнать адреса дочерей, «не выдала» их, слова плохого не сказала. Не хочет, видимо, чтобы по принуждению они за ней ухаживали, дочерний долг выполняя. А, может, казнить сама себя: такими воспитала.

А как же надо воспитывать, чтобы в старости

не казнить? Опять вспоминается Евдокия Михайловна. Нельзя сказать, что ее любовь к детям была дозированной, но она никогда не оберегала их ни от работы, ни от жизни. Огород, уборка в доме - это было их заботой с 10-летнего возраста. Мать только организовывала труд и брала на себя (так как муж был инвалидом) только самое сложное, чего дети не могут. Например, стояла ночами в очередях за мукой (люди старшего поколения, наверное, еще помнят эти очереди). Она никогда не помогала ребятам в учебе (да и не могла помочь), но всегда знала, что какие оценки имеет. Не для контроля, а для себя - ей было интересно, как идут дела у детей (да и может ли быть по-другому у нормальных родителей?).

Когда дети стали жениться - выходить замуж, Евдокия Михайловна и тут сумела проявить житейскую мудрость. Она принимала зятьев-невесток как своих новых родных детей. Пожалуй, к своим собственным детям она была даже более строгой. Вот один случай. Через неделю после свадьбы домой вернулась дочь. Поссорилась с мужем: он пошел к друзьям. «А он тебя звал!» - спросила мать. «Звал, да я не хочу». - «Так вот, дочь, поезжай домой, я тебя здесь не могу оставить»...

Когда среднему сыну очень захотелось самостоятельности и он решил пожить в заводском общежитии, мать не препятствовала: пусть поживет. Но сама нет-нет да и навещает туда. Сын быстро сорвал охотку...

Вот так и воспитывала своих детей Евдокия Михайловна: любовью без баловства, заботой без лишней опеки, самостоятельностью без вседозволенности. Это еще можно назвать золотой серединой. И старость ее не стала несчастной.

М. ПАВЛОВА.

**НЕ ВЕРНУЛСЯ  
ИЗ БОЯ**

Они становятся все старше, и их строй редет: ведь скоро полвека со дня салюта Победы. Ветераны второй мировой, которым мы обязаны жизнью, — они достойны поклонения, почитания.

Как хотелось бы, чтобы до конца дней своих они были здоровы и счастливы, чтобы ни в чем не нуждались! Как хорошо было бы, если бы у каждого участника войны была теплая, сухая, свежая квартира, с телефоном и горячей водой.

Миллионы раз доказано, что они, ветераны той жестокой, кровавой битвы, заслужили самого глубокого уважения, почитания, самого внимательно к себе отношения. И не только потому, что, как поется в песне, «страну заслонили собой», но вернувшись с войны — оставшиеся живыми — подняли ее из руин, восстановили народное хозяйство.

Они, вернувшись с войны отцы, стали опорой своим детям, а жены фронтовиков в большинстве своем были горды и счастливы: так или иначе родное крепкое плечо вновь рядом. Эти удачливые женщины могли позволить себе уйти с производством, заняться ведением домашнего хозяйства, воспитыванием детей.

«Пал смертью храбрых», «Пропал без вести», «Не вернулся из боя» — сколько таких скорбных листочков летело те годы по стране, листочков маленьких, но бьющих наотмашь, и, что гораздо горше и больнее всего, ломающих жизнь вдов и их детей. Похоронки — как стена, разделяющая тех, у кого мужчины вернулись с войны, и тех, у кого не вернулись.

Довоенные дети, не дождавшиеся своих отцов, оказались в роли беспомощных котят, выброшенных в воду, — выплывешь, значит жить будешь... Выплывали, жили. Но как — вопрос отдельный.

Как хотелось бы, чтобы к звону заслуженных наград наших ветеранов прибавился звон наград тех, кто остался там, за чертой Победы.

**ЭТА  
ПУРПУРНАЯ  
ЭОС**

«А рассвет был из солнца, из зелени, из ошны. Пень птица слышно на самой далекой планете...» — писал в поэме Сергей Островой. И было именно так. Из-за невысокой горы поднималась пурпурная Эос, и все белое — мамин платок, атлас березок, сизарь, — все было сказочно розовым, с перламутром.

Мы — папа, мама, я и даже маленький братик — летом просыпались очень рано, с рассветом. В то утро — тоже. Наверное, грех было такую красоту, как пробуждение земли, менять на сон. Раз проснулись, значит — за дело. В город из деревни переехали недавно, домик купили маленький. Планы у молодых родителей были грандиозные: подстроить еще одну комнату, баню; мама мечтала курсы бухгалтеров закончить, в деревне она учетчицей работала. Папа хотел купить баян, чтобы его дети мужьке учились: «Шибко уж вся родня голосистая, так чтоб фалант людей радовал». Мама грезила о наручных часах. Папа задумал «вот только обживемся, отпуск дадут» всей семьей в Москву съез-

дить. Папа говорил, что все его дети будут грамотные, институты закончат, чтобы на любой работе «верх науки знать, все грамотно делать», с примером для других».

Мама от счастья розовеяла и слезывала: «Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить». Они мечтали и пилили березовые дрова, а мы фантазировали: из бересты придумывали то корабли, то невероятные самолеты и поезда, на

бывали полными-преполными, а чувство голода не приходило.

Тогда шла война, тяжело было всем, и мы не роптали, мы ждали победы. Когда слышали истошный крик какой-либо женщины, тоже не слишком переживали: война, а там мог погибнуть любой. Осмысление пришло потом, через годы, с возрастом. И не просто пришло — жизнь тыкала в это осмысление носом. И

Судьбы  
людские**ЭХО  
ВОЙНЫ**

которых отправимся потом в неизвестные дали...

Это теплое воскресное утро было наполнено красотой и счастьем. Смеялись мама и папа, цвела трава-мурава приятно щекотала босые ноги, в общем, жить было очень прекрасно и заманчиво.

Назавтра было все то же — то же солнце, та же зелень, и недопигенная березовая лесина была так же белоствольна и тепла, а трава — мягка и шелковиста по-прежнему. И мама была так же приветлива, улыбочива с нами и папой, так же щекотала нас локончиком своей русой косы.

И все-таки все было другое. Потом, повзрослев, я поняла, в чем дело. Это пурпурная утренняя Эос была тревожна, неласкова, взволнованна. Это папа наш, голубоглазый, загорелый, всегда озорной и улыбочивый, был строг, молчалив. С раннего утра мы обычно высккивали на улицу, бежали, кувыркались в мягкой траве, подставляли солнцу рожицы «а чтоб носы облупились». В это утро мы не побежали на улицу, мы куда-то собирали папу. Он надел белую рубашку, а когда мы вышли его провожать, она от яркого утра, от солнца стала то ли розовой, то ли оранжевой.

Он вернулся вечером, сказал: «Отложили на неделю». По утрам он ходил проситься на фронт, и пока его не брали — строил дом, заготавливал топливо, сено, утеплял стены.

«К весне вернусь, огород без меня не начинай копать», — сказал он маме в тот роковой день и ушел навсегда. В войну, в вечность, в память. Став и гордостью нашей, и болью, и бедой навсегда.

Дом он не достроил, и почернел сруб, из пустой глазницы неокосаченного окна выглядывала на лице лебеда да крапива, наша основная военная еда. Не купил он баян, и все наши музыкальные занятия сводились к тому, что мы с братиком, когда были сыты, яростно хлестали руками-прутиками по треугольнику облезлой балалайки.

Забыла мама про часики; ей пришлось еще устроиться в комендатуре госпитала уборщицей, чтобы подрабатывать на еду. Что странно: в войну всегда хотелось есть; в иные дни животы мы на-

довоенные дети, и молодые вдовы стали понимать, что сделала с ними подлая эта война.

Похоронки, прилетевшие в дома во время войны, лежали под грузом надежды: вдруг ошибка. И ждали, и надеялись, и верили в то, что ошибка. Но когда прозвучали победные салюты, когда погасли искры праздничных фейерверков, когда из воинских составов с запада стали прыгивать чуть не на ходу демобилизованные солдаты, вот тогда и стали осудимыми эти самые понятия «счастье» и «несчастье».

Как здорово, как красиво, с каким пафосом преподносили нам картины счастливого возвращения солдата — в большинстве своем с пафосом! А где были тогда, в то время, вдовы со своими довоенными выводками? Мыли полы, занимались стирать, копать картошку, шили, вязали — подрабатывали, потому что надеяться было не на кого.

**А РАНЫ  
НЕ ЗАЖИВАЮТ**

Свою «ущербность» безотцовщина почувствовала в первый же послевоенный год. Первого сентября «отцовские дети» пришли в школу в обновках, ходили степенно, смеялись громко, хвастались, чей папа что привез с войны. Было даже так, что они и парты заняли рядышком; безотцовщина вынуждена была объединяться между собой.

Были драки. В них побеждали те, которые без отцов: они защищали свою честь. Они были злые, полуголодные, полузаброшенные. Но потом этих победителей больно-больно хлестали презрительными, обидными фразами: «А, чего с них взять — безотцовщина», «А, мать одна, и вообще ей не до них», не до детей, то есть.

Почему вдруг матери «не до них»? Почему огульное подозрение и огульное то ли презрение, то ли обвинение: дескать, если одна, то чего от нее ждать? А почему она, вдова, одна-то? Потому что война отняла у нее ее половину, ее защитника, добытчика, опору. Да, на свою зарплату она не могла за свою жизнь одеть детей красиво и модно. Не могла учить их в институтах, и дети вдов шли работать раньше времени, в лучшем случае, поступали в техникумы, училища.

Одна она была, вдова-то, а голодных ртов — у которой один, а у которой — трое-пятеро. Где им наберешься модного, красивого? Одних тетрадок уйму надо. Слава Богу, одни валенки на всех были да одежонка кое-какая, для посменной носки.

Натерпевшись горя, намучившись в одиночестве, вдовы выходили замуж, но, к сожалению, замужества эти не всегда были счастливыми.

...Выросшая без отца, прошагавшая в стеганке, брезентовых тапках по юности, одолевшая благодаря мизерной стипендии и крошечной материнской помощи техникуму, подошла девчонка к поре замужества. Приданое — материна перина (с ней еще бабушка замуж выходила); вместо фаты — тюлевый поскуток; туфли опять те же тапочки.

А хотелось, ой, как хотелось ей быть изящной и нарядной.

А помните в семидесятые, застойные, были отделы для участников войны? Чего там только не было: разнообразная обувь, даже модельные туфельки стояли.

«Зачем участнику войны или участнице туфли на шпильке?» — спросила у продавца. «Детям купят, пусть дети носят», — ответила продавец.

Так и стоит та похоронка разделяющей стеной: по одну сторону — дети ветеранов, по другую дети без отцов. Первым можно было приобрести мебель, стиральные машины, холодильники (когда их не было в свободной продаже, а были только в этих отделах); вторые лишены были такой возможности.

Знаю, что уже внуки ветеранов войны, представляющие ее как далекое прошлое, историческое событие, враждовали между собой — внуки вернувшихся дедов и внуки невернувшихся. Студенты, помню, все время возмущались: займут в кассу автовокзала очередь с ночи, чтобы в понедельник или после праздника успеть на лекции, ждут, мерзнут, не спят, а к открытию кассы появятся дедушки с удостоверениями, берут билеты, передают внукам... Сколько уж лет прошло, а эхо войны все блуждает по судьбам.

Ненавидело за это сиротское поколение «счастливиц». Или наоборот — «счастливицы» не жаловали отпрысков — сирот. Одни хотели, как полечить, другие шипели через трудности напролом, не признавая никакого «левачества», протекций, компромиссов.

Время, говорят, лечит. Может, переломы, ушибы, другие какие травмы. Только не душевные. Только не такие, как потеря отца. Сколько лет прошло, а ведь тянется эта скорбь, эта боль, эта невосполнимая утрата. Над третьим поколением звучит плачет эхо войны.

Разум говорит: надо сделать так, чтобы все оставшиеся в живых ветераны второй мировой были счастливы, здоровы, окружены любовью и вниманием. Только и над разумом, и над сердцем мысль встает: «Если бы мой отец, и его, и его, и ее, и других, — если бы они тоже вернулись...».

В. ИЗГАРЫШЕВА.



В тенистой аллее парка.

Фото М. Никонова.

**ЭТО ВЫ ЧТО-ТО СЪЕЛИ!**

Зеркало — ваш враг: увидеть свое отражение нет никаких сил. Вы набираете килограмм за килограммом, хотя уверены в том, что едите очень мало. Но из ничего ничего не берется. Проследите за собой,

возможно, вы стали жертвой собственных привычек и поэтому набираете вес. Тест, который мы предлагаем ниже, поможет вам установить, насколько ваше отношение к еде мешает вам похудеть.

1. Просите ли вы добавки, чтобы выразить свое одобрение кулинарным способностям хозяйки?
2. В ваших правилах съесть все, что положено на тарелку?
3. Вы предпочитаете застолье прогулке с друзьями?
4. Вы перехватываете на бегу?
5. Если у вас плохое настроение, вы наваливаете на вкусное?
6. Когда вы возбуждены, вы съедаете больше обычного?
7. Вы берете добавку, даже если сыты?
8. За телевизором или за книжкой вы сидите с тарелкой вкусенького?
9. Вы едите быстрее всех сидящих за столом?
10. Когда вам нечего делать, вы заглядываете в холодильник?
11. Можете ли вы вспомнить все, что съели накануне?

Если вы ответили «да» на все вопросы, кроме последнего, то знаете: лишний вес у вас связан напрямую с вашими привычками. Вы едите во все не потому, что испытываете чувство голода. Если вы согласились с 1-м и 7-м вопросами, то значит, вы едите даже тогда, когда сыты. Твердо отказывайтесь от лишней порции!

Ваше «да» на 2-й вопрос означает, что вы не можете оставить что-то недоодеженным. Наверняка вы пробуете пищу во время приготовления чаще, чем нужно, или хватаете кусочки просто так. Чтобы проверить, насколько вы голодны, спросите себя, чего вам больше хочется: листик капусты или печенье? Если вы по-настоящему голодны, то вам будет все равно, но съешьте капусту.

Ваши «да» на 4-й, 8-й, 9-й вопросы означают, что надо немедленно изменить стиль еды: когда вы едите на бегу, делая что-то другое, или

слишком быстро, вы не можете контролировать количество съеденного. Ешьте за столом, и медленно!

Ваши «да» на 3-й, 5-й, 6-й, 10-й вопросы говорят о том, что вами повелевает не аппетит, а настроение. Лучшее средство против тоски, скуки, нервозности — движение. Нервное напряжение снимет быстрая прогулка, правда, для очень ленивых есть и другой выход — теплая ванна.

Ответ «нет» на последний вопрос указывает, что вам надо вспомнить все, что вы съели вчера. Картина будет у многих нерадостная: столько лишнего кусочка! Забывать о них не стоит, воспоминание о вчерашней слабости поможет вам сдержаться сегодня.

Теперь вы поняли, что самое главное (но и самое трудное) — изменить свои привычки в отношении еды!

Перевод с английского  
Е. КУДРЯВЦЕВОЙ.

